

В МИФИ А. Я. Апин читал краткий, но очень интересный и содержательный курс лекций по теории ВВ.

В 1970 г. А. Я. Апину была присуждена Государственная премия СССР — за разработку и применение составов на основе мощного ВВ — октогена.

А. Я. Апин был скромным, доброжелательным, интересным человеком, обожал музыку и театр. Страстно любил природу. В доме постоянно были полевые цветы, которые он приносил со своих прогулок.

3 февраля 1972 г., придя утром на работу, Альфред Янович скоропостижно скончался.

На торжествах в связи 75-летием А. Я. Апина академик Н. М. Эмануэль назвал его первым в ряду тех, кто создавал в ИХФ новые ВВ, изучал свойства, разложение и разрабатывал условия их хранения. Исследования Ю. Б. Харитона и А. Я. Апина по теории детонации ВВ Н. М. Эмануэль назвал классическими, а это высшая мера оценки.

Похоронен на Востряковском кладбище.

А. А. Сулимов

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АЛЬФРЕДЕ ЯНОВИЧЕ АПИНЕ

Мой отец Апин Альфред Янович родился в 1906 г. в семье латышских эмигрантов. Мой дедушка Ян был профессиональным садовником, а бабушка Кристина очень хорошо шила. Вскоре семья переехала в Симбирск, где в 1908 г. у них родился второй сын Фридрих, а затем и дочь Эльза. Бабушка и дедушка были лютеране. Фридрих стал заслуженным агрономом, а Эльза врачом-ортопедом. Оба были кандидатами наук и членами партии.

В 1916 г. мой отец закончил земское начальное училище. Выпускники получили в подарок маленькие Евангелия. Дарственная надпись начиналась со слов: «Алфреду Аппину. . . и т. д.». С 1919 г. отец работает в железнодорожном депо. Уже будучи великим химиком, он часто вспоминал это время.

В 1925 г. он поступил на химическое отделение физмата Казанского университета, после окончания которого уехал в Ленинград в аспирантуру. В 1935 г. отец получает степень кандидата химических наук, а в 1939 г. женится на моей маме Кашниковой Клавдии Петровне, студентке Ленинградского химико-технологического института. Моя мама неслучайно приехала учиться в Ленинград. К тому времени здесь работала ее старшая сестра Надежда Петровна, на тот момент уже жена Фёдора Ивановича Дубовицкого.

Мама мечтала стать врачом и послала свои документы сестре с просьбой сдать их в медицинский институт. Но Фёдор Иванович как муж старшей сестры и главный

опекун семьи решил все по-своему. Как и мой отец, он считал, что все, кроме химии, несерьезно. Так моя мама стала химиком, а затем и женой химика.

Младшая сестра Наталья Петровна стала врачом и прошла всю войну. В 2015 г. ей исполнилось 95 лет. Выступает на всех ветеранских мероприятиях своего района.

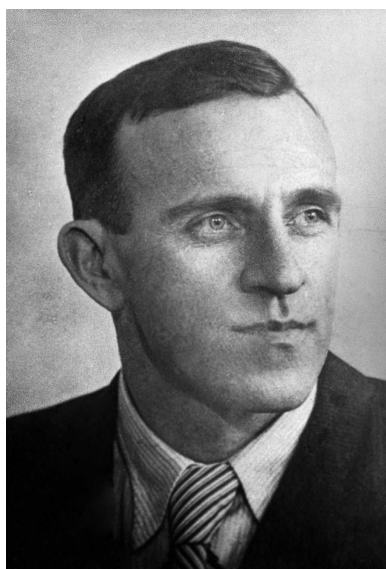
В марте 1941 г. в Ленинграде родился мой двоюродный брат Валера Дубовицкий, а в июне началась война. Институт химической физики эвакуировали в Казань.

В 1943 г. все переехали в Москву, на Воробьевское шоссе. Часть сотрудников расселили в 3-этажном кирпичном доме, бывшей конюшне. Дубовицкие жили в 3-комнатной квартире на 2-м этаже, а мои родители — в 1-комнатной квартире на 1-м этаже.

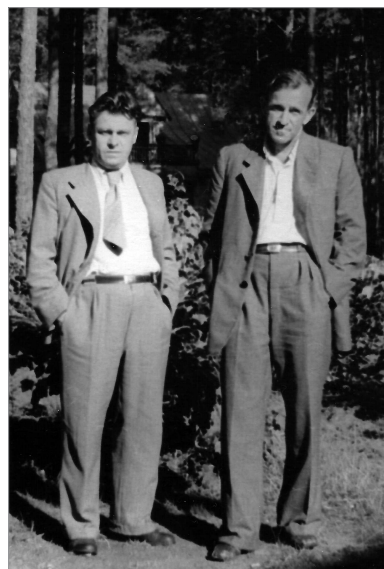
В марте 1945 г. родилась я, причем сделала это в ночь с 8 на 9 марта, чем подпортила всем праздничное застолье. В это время начали строить два жилых дома для сотрудников. Это были деревянные двухэтажки, каждая на 8 квартир. Строили их пленные немцы на 10 лет как временки. Ломали их где-то в конце 1980-х гг. с большим трудом.

В 1947 г. отец уезжает работать в Арзамас-16, а мама остается со мной в Москве.

За разработку и испытание первой советской атомной бомбы А. Я. Апин был награжден орденом Трудового Красного Знамени и стал лауреатом Сталинской премии 2-й степени. Кроме того, он получает льготы на обучение детей за счет

1936 г., кандидат наук

Дубовицкий и Апин

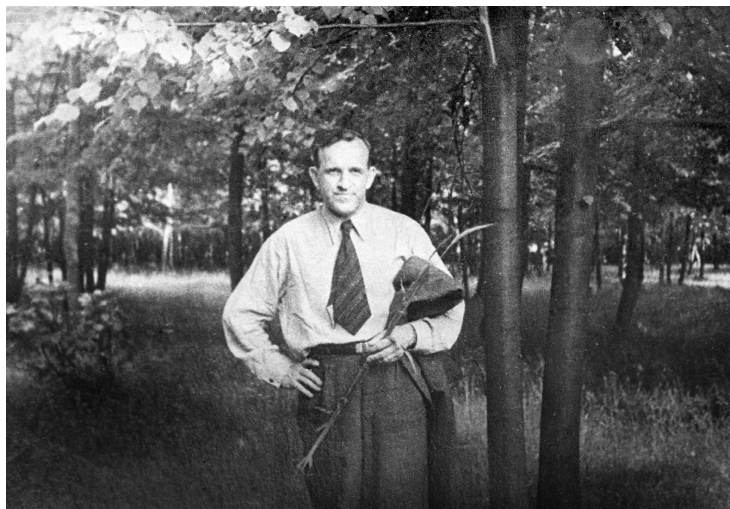
государства в любых учебных заведениях и на бесплатный проезд на все виды транспорта (железная дорога, самолет, пароход) пожизненно, а мне — до 18 лет.

В 1950 г. отец возвращается в Москву, в Институт химической физики, в лабораторию А. Ф. Беяева на должность старшего научного сотрудника. В это время мы переехали в деревянную двухэтажку в 3-комнатную квартиру. Под нами на 1-м этаже жил Руссиян с семьей, а напротив нас жили Чирковы, с которыми родители дружили с Ленинграда.

Это был небольшой научный дворик на 3 дома. Здесь жили с семьями Зельдович, Эмануэль, Компанец, Воеводский, Зельманов, Соколик, Ковальский, Похил, Лейпунский, Гольданский, Авраменко, Беяев, Садовский, Когарко, Рябинин, Налбандян. В 1940-х гг. на 1-м этаже трехэтажки некоторое время жил К. И. Шёлкин с семьей. Они были нашими соседями и друзьями. До переезда в Черноголовку в нашем дворе жил А. Е. Шилов.

Помню, как в нашем дворе появился Ениколопов со своим большим армянским семейством. Бабушка гуляла с маленьким Сережей, звала его громко Сергунчиком, а он возил за веревку огромную железную машину с таким же большим прицепом. Грохот был на весь двор. По тем временам такая игрушка вызывала у нас большой интерес. Потом они получили квартиру и уехали.

Жил в нашем дворе и Манелис с семьей до отъезда в Черноголовку. На нас всех произвела впечатление его маленькая дочка Наташа. Очаровательный ребенок в белых кудряшках, как немецкая кукла.

Черноголовка

По обе стороны Воробьевского шоссе располагалась деревня Воробьевка. Дом наш был прикрыт от шоссе чередой деревянных домов, что создавало уют и ощущение, что мы живем на даче.

Транспортная остановка называлась «Музей народов», затем «1-й Воробьевский проезд». В настоящее время эта остановка называется «Институт им. академика Н. Н. Семёнова». Далее проезды шли по номерам.

Помню, как во 2-м проезде снимали фильм «Вызываю огонь на себя». Мы все бегали смотреть на Л. Касаткину. В 4-м Воробьевом проезде, где теперь спуск к метро, находился наш деревенский магазин. Помню длинные зимние очереди за мукой. У каждого был номер, даже у детей. Бабушка привозила нас на санках отмечаться, а потом в темноте мы ехали домой.

Мы, дети этого двора, все ходили в одну школу № 22. В настоящее время это здание находится в районе главного входа во Дворец пионеров. Это спортивная школа. Моя маленькая дочка ходила туда в шахматную секцию.

До 1954 г. обучение было раздельное. На женской половине во время перемен девочки прогуливались парами, а на мужской мальчишки бегали и дрались. Когда нас объединили, я училась в 3-м классе.

Кроме школы и дома мы, естественно, много гуляли. Во дворе, на горах и очень любили гулять на территории института. К концу рабочего дня няньки и мамки с детьми, дети постарше собирались перед 1-м корпусом. Разговаривали, играли в классики, балдели в розах на большой клумбе. Какие там были розы!

Летом в жару располагались в траве на территории 3-го корпуса. Это у нас называлось «гулять в парке».

Здесь же находились еще два интересных объекта.

Овощное хранилище, благодаря которому мы всю зиму были обеспечены овощами. Квашеная капуста хранилась в больших деревянных бочках. Очень вкусная капуста!

Недалеко от хранилища находился институтский детский сад. В этот садик ходил мой другой двоюродный брат Витя, сын Натальи Петровны, которая после гибели мужа на Дальнем Востоке несколько лет жила в семье Дубовицких.

Главным шефом детского сада была Наталья Николаевна Семёнова, которая уделяла много внимания детям сотрудников. Она устраивала у себя дома светские вечера для детей. Мы пели, танцевали, играли. Квартира была 2-этажная, и в прихожей под лестницей была конура, в которой жил щенок сеттера. Это мне как собачнице запомнилось особенно хорошо. Из этого щенка выросла очень красивая собака Альфа.

Очень теплые воспоминания остались о новогодних вечерах в 1-м корпусе. Это были такие сказочные, волшебные, домашние праздники! В новогодних подарках были такие вкусные шоколадные конфеты!

Мой отец был очень советским человеком. Его несомненный патриотизм был специфическим в том смысле, что был связан именно с его специальностью, его работой, направленной на укрепление обороноспособности нашего государства. Даже в домашних беседах за столом он с внутренней гордостью оценивал высокие возможности нашей армии и флота. Еще в начале 1960-х гг. он считал наш флот самым сильным и очень искренне этому радовался.

Он хорошо ориентировался в разных политических ситуациях. Его домашние предсказания часто подтверждались теленовостями. Все политические газеты и журналы присутствовали в нашем доме. На этом я и выросла. Еще учась в школе, с любопытством «ныряла» в толстую газету «За рубежом».

Отец был убежденным ленинистом. Советское государство он считал именно ленинским чудом. Ленина в нашем доме было очень много и в разных вариантах. Это значки, статуэтки, книги, горы репродукций. Большая доля моих детских книг была о Ленине. Самыми любимыми нашими фильмами были фильмы о революции и конкретно о Ленине. Мы с отцом смотрели их, затаив дыхание.

С не меньшим интересом мы смотрели и читали все о природе, о животных. Книжный шкаф был забит книгами о путешествиях, охотничьими рассказами разных авторов. А еще отец очень любил балет. Когда танцевала Майя Плисецкая, он сидел перед телевизором, как завороченный.

Любил мороз и солнце, любил полевые цветы, из которых умел составлять очень красивые букеты. Принеся такой букет домой, с гордостью напоминал, что он сын садовника. В мае, когда начинали петь соловьи, отец отрывался от письменного стола и шел ночью слушать их трели. Он любил все классически красивое. Любил окружать себя красивыми предметами. Очень болезненно переносил уродства моды и курящих женщин. Любил живопись. В доме было много альбомов с репродукциями русских и европейских музеев. Рассматривать их часами было в детстве одним из моих любимых занятий.

Отец никогда не был скрягой. Свои материальные возможности он использовал на благо семьи и родственников. Был очень гостеприимным. Просто оживал, когда в доме появлялись гости. Если в холодильнике чего-то, с его точки зрения, не хватало, одевался и мчался на поиски. Насколько я помню, в доме постоянно жил кто-то из его родни. Мои сестры приезжали на каждые каникулы и уезжали с кучей подарков. Подарки он очень любил дарить. Дарил их с детской радостью. Это счастье дарения было, пожалуй, его самой характерной чертой. Любил праздничные застолья, когда за огромным столом собирались все родственники. Пироги с капустой были его слабостью.

У отца было интересное увлечение. Он коллекционировал марочные вина. Такое собирательство в 1950–1960 гг. было вполне реально. Шедевры из этой коллекции всегда присутствовали на праздничном столе. Отец прекрасно играл в шахматы и в карты. Обыграть его было непросто. Играл спокойно и с юмором.

И на работе, и дома мыслями он был со своей любимой химией. Даже отдыхать ездил с чемоданом, наполовину заполненным книгами. Внутри чемодана было что-то вроде слоеного пирога. Вещи, книги, снова вещи и т. д. Отдыхал в Сочи или в Сухуми и всегда в сезон персиков, которые очень любил. Плавал как дельфин.

Отец был не примером к беспорядку и максимально серьезно относился к любому делу. Был строгим и собранным. Отношения с коллегами были добрыми. Сотрудники нашей лаборатории отмечали его как единственного человека в Институте химической физики, у которого не было врагов. Он ни с кем не ссорился. Его хорошими друзьями были: В. К. Боболев, П. Ф. Похил, А. Ф. Беляев, М. А. Садовский, К. И. Щёлкин, Ю. Б. Харитон, Н. М. Чирков, Я. Б. Зельдович и многие другие. С семьей Чирковых отношения были, как у родственников. Наши институтские рыбаки П. Ф. Похил и В. К. Боболев после каждой рыбалки угощали отца рыбой, которую он очень любил. Похил учил его, как варить тройную уху.

В 1967 г. Институт построил новый дом 11 на Воробьевском шоссе, и моему отцу дали 3-комнатную квартиру в этом доме. Большую роль в этом событии сыграл В. К. Боболев. Светлая ему память. Он умел помогать людям. Как мой отец радовался этой квартире! Впервые в жизни он начал жить в нормальных условиях.

А жить ему оставалось 5 лет. . .

Умер отец рано — в 66 лет, от обширного инфаркта. У него был диабет. Его суперответственность за все, что он делал, повлияла на здоровье. Сердце просто не справилось.

Татьяна Альфредовна Апина